

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ОЛЕГ

Юрьев

СТИХИ И ХОРЫ
ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБЗРЕНИЕ

Олег Юрьев

**Стихи и хоры
последнего времени**

«НЛО»

2016

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Юрьев О. А.

Стихи и хоры последнего времени / О. А. Юрьев —
«НЛО», 2016

Олег Александрович Юрьев родился в 1959 году в Ленинграде. Поэт, прозаик, драматург и эссеист. С 1991 года живет во Франкфурте, пишет по-русски и по-немецки. Выпустил 16 книг по-немецки и 16 (включая эту) по-русски. Лауреат премии имени Хильды Домин города Гейдельберга (2010), премий журналов «Звезда» (2012) и «Новый мир» (2013), премии «Различие» за книгу стихов «О РОДИНЕ» (2014). Переводы стихов, прозы и пьес на немецкий, английский, французский, итальянский, сербский, польский и другие языки, постановки во многих странах.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Юрьев О. А., 2016
© НЛО, 2016

Содержание

Это его тишина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Олег Юрьев

Стихи и хоры последнего времени

Это его тишина

«Стихи и хоры последнего времени» – книга, составленная из книг и охватывающая десять литературных лет; но в каком-то смысле вневременная, поскольку явных примет времени любознательный читатель здесь не найдет. Никаких острых и *актуальных* тем – тоже. С петербуржцами такое случается. Здесь можно было бы поговорить о петербургских *поэтах-метафизиках*, но рассуждать об этой школе дело слишком благодарное, и именно поэтому я за него не возьмусь (скажу только, что у Юрьева к *плеяде* отсылки есть, и немало). Замечу также, что эта книга вневременна еще и в некотором другом смысле. Об этом, собственно, и пойдет речь.

* * *

Чтобы прояснить, о чем я, обратимся к поэтическому словарю Юрьева (начинают обычно не с этого, но кто нам указ?). Одно из самых частотных в книге слов, «облако», встречается около четырех десятков раз, часто в сопровождении *облака* созвучий, словесного эха (облытый, покоробленный, облетают, облытый, облитый) и таких сопутствующих слов, как «шар» (облачный шар, светящийся шар, шар огня, небо шар, кристальный шар, *шарахающиеся* огни, *шарахающийся* свет), «холм», «лед», «река», «сад», «роза», «огонь», «вода», «стекло»... «Стекло» и его производные встречается ненамного реже «облака» – более трех десятков раз. Но самое частотное – «свет»: вместе с производными оно встречается свыше восьмидесяти раз – в том числе и в оксюморонном, но неоднократном сочетании «светло-черный» и в связке с «ослепительный», «ослепленный», «слепой», что может косвенно свидетельствовать об интенсивности этого света. Первое, что тут естественно приходит на ум, – фотография с фотовспышкой (по-украински фотография так и называется – «світлина»), камера-обскура; еще – ландшафт, увиденный при вспышке молнии, но в любом случае – *светопись*. «Стекло», «лед», «облако», «вода», «хрусталь» – все это акторы лучепреломления, предьявляющие нам в пространстве стиха менее, но тоже частотные «холм», «сад», «розу», «деревья». Словно бы автор задался целью продемонстрировать читателю серию световых картин, отделенных друг от друга, если речь идет о книге, пробелами на бумаге/зонами молчания. Их можно собрать в одно целое – ну, скажем, в книгу стихов «Франкфуртский выстрел вечерний» (2004–2006); это будет как бы *нецелое целое*, но все-таки целое, целостное, но каждый текст может существовать и отдельно, самодостаточно, и его можно уподобить своего рода осколку голограммы; известно ведь, что каждый осколок разбитой голограммы воспроизводит целостное изображение. Или, как это нынче модно, – фрактальной поверхности; поскольку «Франкфуртский выстрел вечерний», сам по себе будучи сложной структурой, объединяется со «Стихами и другими стихотворениями» (2007–2010), «О родине» (2010–2013), «10x5 (Стихи и пр.)» (2013–2014) и с последним разделом, о котором еще будет сказано, в одну над-структуру, а может быть еще и над-над-структура, и пр. (пр. в смысле «и прочее», а не в смысле «и проза», хотя в названии последнего раздела книги мерцает этот двойной смысл).

* * *

В каждом отдельном фрагменте вроде бы все время *что-то* происходит – «волна, уплотняясь, вращается», «пляшут... вугленные яблоки огня», «во мрак ступают через крыж / дымы в краснеющих кирасах», «кислой прелью виснет дым, / просыпанный в воздух брэнчащий», «литую шиповника пулю / обливают по всем желобам», «всплывают света пузыри». Но именно «вроде бы»: внутри каждого текста автор приглашает нас побыть наблюдателями этого *чего-то* как раз в тот момент, когда это *что-то* либо вот-вот начнется, либо вот-вот закончится, либо уже закончилось.

Ослепительным воздухом дут,
ослепленной водою спринцован,
облаков стеклянеет редут,
поджидая, когда подойдут
те – под знаменем сизо-пунцовым
и с шар-бабой каленой луны.

Ночью будут руины смутны
в чистом поле под бабой каленой,
и лыжнею – кривой и зеленой —
мимо них побегут бегуны.

Облачная гряда настоящего времени после неких проделанных над ней операций (дута, спринцована), после обработки светом и небесной водой застыла (остекленела), превратившись в крепость в ожидании *еще не начавшейся* осады. Осада начнется на закате, когда некие неназванные силы подойдут со стороны закатного неба (под знаменем сизо-пунцовым) со стенобойным орудием, которое вообще-то используется скорее в мирном деле, хотя и не менее разрушительном (шар-баба). Луна (стенобойное орудие) и закатное небо выступают разрушителями неба дневного, водяного, светящегося – ночью дневные облака превратятся в руины на горизонте, и по зеленому в лунном свете снегу побегут лыжники; автор словно бы обещает продемонстрировать нам что-то наподобие картины Брейгеля, где бегут куда-то под огромной луной маленькие человечки, облитые зеленым светом, но именно что обещает; это случится ночью, а сейчас только-только вечереет. Но вместе с тем ночь как бы уже состоялась во второй строфе, хотя формально она еще только будет. Внезапное смещение фокуса, переброс из времени настоящего в будущее, вдруг раздвигающее, распахивающее ландшафт – или накладывающее на этот ландшафт, на эту *светлину*, еще одну, полупрозрачную... Собственно, почти каждый текст здесь так или иначе строится на одномоментном совмещении уже прошедшего или еще предстоящего действия.

* * *

Элементы такого ландшафта вроде бы активны, но их активность закончилась *буквально только что* («деревья дóпили луну» и ушли «во тьму, на зимнюю войну»; «шмеля шарабан» к «кипящему в облаке улью» уже подогнали; ворон, «врага архистратиг» только что «откаркался семь раз») или *вот-вот начнется*: («пробуждаются бойцы / чешут клювами о бурки / вороненые щипцы / извлекают из кобурки»; «сырые птицы в кожах сводчатых / как пистолеты в кобурах – / вот – подвига́ют дула синие»)... Но пока – полная неподвижность, балансировка на краю события – а уж если что-то движется, то всё сразу – холмы,

деревья, облака, словно передвигаемые невидимой огромной рукой (пейзаж, видимый *человеком расстающимся, человеком оставляющим* из окна поезда?).

Отмечу, что деревья здесь оказываются неожиданно агрессивны – их неподвижность застигнута в движении, причем у Юрьева они то и дело идут на войну («Последние полки в заречье уходили – / За грабом липа и за вязом бук – / И под занавес огневой угодили: / Хлюп над рекой, плюх, бах, бух! / Полетел с папахи пух, / Дым сверкающий набух...»); а птицы и того агрессивней, да еще и малоприятны – за исключением, пожалуй, «ластоньки милой», насельницы нежной литературы – но ласточка, эта проводница в подземный мир, здесь сама *всякий раз умирает*. Людей же, помимо наблюдателя, здесь почти нет (люди появляются в этой книге очень странным и характерным манером, к этому мы еще вернемся) – нет и челове-ческой речи, что понятно: последовательное высказывание развернуто во времени, а в том промежутке, куда помещает нас автор, времени *слишком мало* или *несоразмерно много*. Зато здесь все время что-то звенит, щелкает, стучит, трещит, улей в облаке шипит (как *громкокипящий кубок?*), опять щелкает (если молчит, значит, испортилось, поломалось). Свистят, чпокают, плачут, стучат и кричат...

Неотменимо парадоксальная ситуация: пра-речь, до-речь («чревовещанье гор») описывается речью – а чем же еще?

* * *

Вообще – можно ли передать, скажем, понятие Бога – словом «Бог»? У Юрьева на месте Бога зияние, окруженная всяческим воздухом пустота, лучи и тени обливают пустоту, в которой помещается Бог, как бы изымая его из видимого пространства (Бог, как известно, облекается в свет, чтобы сокрыть себя от наших глаз). Стихи если не религиозные, то теологические, строящиеся вокруг изъятой из пейзажа фигуры Бога – как вот могут быть «Три шестистишия со словом “вода”», а могут быть «Три шестистишия без слова “вода”», но все равно о воде.

Свеча не шевелится, свет затекает за обшлага.

Тучнеют и распускаются облака.

Это Его тишина. А за нею негромкий гром.
Это Он говорит, собственно говоря.

В кустах что-то щелкает: значит, пришли чинить.

Остановившийся свет свечи перед бурей, предгрозые – свет перед концом света, но конца света, возможно, и не будет, потому что «пришли чинить». Полной тьмы тоже не будет – вместо шторки фотоаппарата молния, фиксирующая череду последовательных картин («В ночных колесиках огня / Зияет колбочка зрачка...»; «Где гром был кругл, там бегл стал блиц»; «Где холм был обл, там шпиль стал длинн»), а если не молния, то ночные, то небесные *шары* или подразумевающиеся фары («К машине, едущей с горы / (хворост небесный растворя) / во мглы сияние дождевое, / зачем приделаны шары / из выщелоченного хрусталя / со смятой сеточкой в обвое?»), – *что-то все время светится*. Светящиеся шары, облака, холмы, насекомые (одно стихотворение так и называется – «Весенний пролет жуков»), птицы, ежи и белки (иногда мертвые насекомые и мертвые белки), сокрытый в свете Бог – но не люди.

Человек в этой картине – один, и он наблюдатель. Причем с хитро устроенной оптикой – он то смотрит изнутри картины, то разглядывает ее снаружи, как бы выводя себя за

ее раму; не столько смена планов, сколько смена ракурсов, отчего крупные формы (холм, облако, тень, свет, луна, огонь) оказываются сопоставимыми с мелкими (птицы, насекомые). Но вот люди как-то не очень укладываются в эту картину, поскольку при появлении еще *одного человека в пейзаже* координатную сетку пришлось бы утягивать, сжимать до пропорционального человеку мира, а его-то – среднего, средневзвешенного, антропофильного, тут как раз и нет. Впрочем, иногда люди все же появляются. И если (когда) они появляются, то они...

* * *

...они уже не совсем люди, а мертвецы или боги (что, впрочем, в каком-то смысле одно и то же): то «Лев Толстой, худой и пьяный» летает над тополями, то «Жуковский опарный <...> из сада из черного женихам мужиковским грозит», то прилетает «мертвый сокол Галактион Автандилович Сулухадзе».

Аронзон теперь ангел. Шварц ушла туда, где «Остановлены страдания, / Остановлена вода». Туда, где *остальные*. Время остановилось.

По мосту грохочет фура
в сиянии дымных кристаллид,
а у моста кротко и хмуро
швабский Батюшков стоит —
швабский Батюшков-Безбатюшков,
со шваброй пасынок Харит.
Как поднимешься по Неккару,
так закончится гора,
и расплакаться будет некому,
оттого что уже вчера.

Бессловесный, но шумящий, стучащий, жужжащий, катящийся куда-то, застигнутый в минуту изменения мир означает жизнь; мир остановившийся, застигнутый в безвременьи – не столько смерть, сколько посмертие, конец всему. Безвременье – вечное скольжение «осьмикрылой стрекóзы хромой», которой уже «никогда не вернуться домой» – «а всегда ей лететь, прижимаясь к Земле, / И всегда ей идти на последнем крыле, / И всегда ей скользить, исчезая во мгле / Над Цусимой». Здесь остановленные солдаты из «Солдатской песни в Петербурге», которые «были эхом и молчаньем», призывают озвученное яростное действие, хотя бы и дословное («В седые клочья рвись, сирена, – / Екатерина, плачь, как выпь!»), хотя бы и ведущее к гибели.

Так вот, почти все «петербургские стихотворения», которых довольно много в последних книгах, – это такой вот застывший мир, безвременье: «Спустился сон еще до тьмы / на сад, закрывшийся руками / своих смутнобелеющих камней. // Мы засыпали стариками, а просыпаемся детьми...»; «блестят убитые ручьи – / и каждый вечер в час назначенный / под небом в gryжах грозowych / заката щелочью окаченный / на стан вplывает грузовик»; литературная аллюзия в последнем случае слишком бросается в глаза, она – как заигранная пластинка, где и само явление незнакомки, которая «каждый вечер в час назначенный», – такая же заигранная, затертая пластинка... Летейское небытие, существование по ту сторону («Та Лета русская, Фонтанка черная, / Литейным расплавом втекает в Неву»).

Литературные аллюзии – а их тут немало, – появляются именно в таких, летейских текстах – возможно даже, что появляются неосознанно, как в «Цыган, цыган, снег стекланный, / Ты растаял в свете дня, / Черный блеском штык трехгранный / Под лопаткой у

меня» прячется отсылка к «Песням невинности» Блейка (в переводе Маршака). Что естественно – там, где речь идет о мгновенном снимке, не существует увековеченной в литературе длительности, есть только впечатление, запечатление, колеблющийся отпечаток на сетчатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.